

Поляки в Петербурге: Станислав Пташицкий

Проф. Артур Кияс (Познань)

Станислав Пташицкий (1853–1933) – известный польский архивист, филолог и историк, деятельность которого на протяжении более чем сорока лет протекала в Санкт-Петербурге и была тесно связана с развитием славяноведения в России. Значительна роль Пташицкого в польско-русском сближении и в период его работы в Польше после репатриации в 1918 году. Данный очерк основывается на материалах доклада проф. Артура Кияса (Познань) на Царскосельской научной конференции «Россия – Польша. Два аспекта европейской культуры» 26–28 ноября 2012 года.

Пташицкие, имевшие в гербе изображение лебедя, издавна были кресовой шляхтой. Однако Станислав появился на свет в селе Кузово Московской губернии, где его отец Леон Пташицкий был управляющим именными Витгенштейнов. По окончании классической гимназии в Вильнюсе в 1872 году он поступил на врачебное отделение Санкт-Петербургского университета. Из-за плохого состояния здоровья Станислав на время был вынужден отказаться от занятий и выехал к матери (Елизавете Пташицкой, урожденной Рошицкой) на Подлясье, где немного подлечился. В 1873 году он вернулся в университет, но не на врачебное отделение, а на историко-филологическое. Среди множества

поляков, учившихся тогда в России, этот факультет не пользовался успехом: польская молодежь чаще всего выбирала право и медицину, а также естественные и инженерные науки. На историко-филологическом факультете работало много выдающихся профессоров, своими учителями Пташицкий всегда считал двоих: известного слависта И. Срезневского, лекции которого, особенно «Энциклопедическое введение в славянскую филологию» и «Славянские древности», пользовались большой популярностью не только среди студентов-гуманитариев, и В. Ламанского – историка, филолога, этнографа, ведущего представителя российского панславизма. За критический разбор «Изображения (Wizerunek)» Н. Рея, конкурсной работы, написанной под руководством Ламанского, Пташицкий в 1876 году получил золотую медаль. Год спустя, со степенью кандидата историко-филологических наук, он начал работать переводчиком польского языка в III Департаменте Правительствующего Сената. Кроме того, с октября 1879 года он был преподавателем русского языка и литературы в Римско-католической духовной семинарии в Санкт-Петербурге. Много лет он преподавал латинский и русский языки также в частных петербургских гимназиях.

Первой опубликованной работой Пташицкого стала развернутая рецензия исследовательской работы В. Макушева, посвященной русскому влиянию на старопольскую литературу и изданной в 1877 году. Макушев старался доказать заметное влияние на нее творчества восточнославянских авторов. Пташицкий в своей рецензии опроверг многие тенденциозные выводы автора «Следов русского влияния на старопольскую письменность», доказывая оригинальность литературы польского Ренессанса.

Большое значение для исторических и литературных исследований имело изучение Пташицким архивов и библиотек Санкт-Петербурга, в том числе материалов, связанных с Польшей и поляками. Пташицкий начал заниматься их изучением уже в конце 1870-х годов. Назначенный в 1884 году архивистом Литовской метрики (литовских архивных материалов с конца XIV по XVIII век), вывезенной в Санкт-Петербург после восстания Костюшко и хранившейся в III Департаменте Правительствующего Сената, за короткий срок сумел просмотреть значительную часть документов. Менее чем за три года он упорядочил источники и опубликовал их инвентарь под названием «Описанием книг и актов Литовской метрики» (СПб., 1877). В течение долгих лет этот труд имел

большое значение для исследователей, занимающихся историей Великого княжества Литовского, как фундаментальное исследование. Он сохраняет свое значение и по сей день: в 1984 году книга была перепечатана в США.

На основе материалов Литовской метрики появились различные историко-генеалогические работы Пташицкого, в частности по «крезовым» родам Деспот-Зеновичей («Деспоты-Зеновичи в конце XVI – начале XVII века») и Пузынов («Князья Пузыны. Историко-генеалогические материалы»).

Пташицкого очень интересовали исследования российских полонистов. Уже в 1878 году он подготовил рецензию словаря польского и русского языков, составленного П. Дубровским, бывшим также автором работ об Адаме Мицкевиче и Иоахиме Лелевеле. Несколько статей он посвятил русскому первопечатнику И. Федорову, обращая особое внимание на его связи со Львовом. Исследователь также обладает заслугами в знакомстве русских с польскими произведениями и авторами. Ранее уже был упомянут Николай Рей, которому на рубеже 1880–1890 годов Пташицкий посвятил несколько интересных статей. В 1888 году журнал «Библиограф» опубликовал его статью «Длугош, польский историк XV столетия».

В 1887 году в «Научном и литературном путеводителе» (*Przewodnik Naukowy i Literacki*) было опубликовано первое польское описание Петербурга, составленное еще в Петровскую эпоху («*Peterburg w roku 1720*»). Публикацию с рукописи, находившейся в Институте Оссолинских, подготовил специалист по польскому источниковедению В. Кентшинский. Она предоставляла интересную информацию не только о самом Санкт-Петербурге и его зданиях, но и о культурных учреждениях города, жизни при дворе и обычаях «новой» России. Через два года в «Русской старине» появился русский перевод этой публикации, подготовленный Пташицким. Перевод Пташицкого указал на важность польскоязычных источников в изучении истории России.

Рассматривая научную деятельность Пташицкого, нельзя не вспомнить его заслуг в области

славяноведения. В 1903 году он вместе с известным историком русского языка и диалектологом А. Соболевским издал в Санкт-Петербурге таблицы русской палеографии, составленные главным образом по документам XIV века («Палеографические снимки с русских грамот преимущественно XIV века»), а в 1907 году – по заказу Российской академии наук – издает том жмудских и литовских хроник, дополненный открытым Пташицким польским текстом литовской летописи («Ольшевский кодекс Хоминских»). Они были опубликованы в рамках пользующейся до сих пор признанием серии Полного собрания русских летописей (Т. 17). Несколько десятков лет спустя это издание высоко оценил знаток литовско-русских летописей Н. Улащик.

С 1890-х годов Пташицкий принимал активное участие в работе различных организационных комитетов археологических съездов в империи. На первой общероссийской выставке печатного дела в Санкт-Петербурге в 1895 году он организовал исторический отдел, а в нем, при участии С. Вольного, секцию польской печати. В мае 1896 года на основании опубликованных ранее работ Пташицкий получил право читать лекции в университете. В качестве доцента на кафедре славистики университета он преподавал историю польской литературы и вел семинар по польскому языку. С 1899 до 1918 года он работал вначале преподавателем, а затем профессором русского языка и литературы в петербургской Римско-католической Духовной академии.

Уже краткое перечисление организационных и научных начинаний Пташицкого свидетельствует о том, что он стал человеком-институтом. В 1901 году он был включен в состав комиссии Российской академии наук, изучавшей имена, используемые поляками римско-католического вероисповедания. В 1903 году участвовал в создании Историко-этнографического отдела на I Международной выставке костюмов в Санкт-Петербурге. Год спустя ученый принял участие в съезде славянских филологов и историков, во время которого предложил проект разработки библиографии по славяноведению.

Следует подчеркнуть, что уже тогда оригинальные работы Пташицкого были отмечены в сборнике русских статей по славистской тематике, а биографическая статья о нем появилась в словаре С. Венгерова.

В 1918 году Пташицкий репатриировался в Польшу и принял активное участие в организации нового Католического университета в Люблине, а потом много лет заведовал в нем библиотекой. В литературе, посвященной деятельности Пташицкого в этот период, много места уделяется его хлопотам по ревиндикации (возвращению исходному владельцу) польских памятников культуры, находящихся на территории России. В этой связи заслуживают внимания его контакты с российскими учеными – А. Соболевским, А. Шахматовым, историком С. Платоновым и другими. Пташицкий многое сделал также для распространения русской культуры в Польше и наоборот. В 1909 году на Толстовской выставке в Санкт-Петербурге он организовал «польский» отдел, который включал как польские переводы произведений писателя, так и польские работы о Толстом. В своей статье, посвященной выставке, Пташицкий показал многочисленные связи Толстого с польской литературой. В сравнении с европейской частью выставки ее «польский» отдел благодаря Пташицкому выглядел очень внушительно.

Вспоминая о заслугах Станислава Пташицкого в период его работы в Польше (1918–1933), не следует забывать, что образование он получил в России, в университете европейского уровня. Его наставниками, а потом коллегами были блистательные ученые, благожелательно настроенные к польской культуре и литературе. Более десятка лет он сам преподавал в этом университете польскую литературу. Он был также прекрасным знатоком русской культуры и литературы: не зря как русские, так и поляки называли его «послом культуры на Неве». Наряду с эллинистом Тадеушем Зелинским он, несомненно, относится к наиболее выдающимся ученым-полякам, связанным с Санкт-Петербургом рубежа XIX–XX веков.

*Материал подготовил
Анатолий Нехай*

Возвращение в Ленинград, май 1944 года

Т. М. Китанина

Наша маленькая семья (мама и я) покинула любимый город 20 февраля 1942 года. В тот день мой отец – полковник Михаил Константинович Горохов, находившийся в Кобоне, прибыл в штаб фронта с очередным отчетом (с сентября 1941 года по начало ноября отец являлся заместителем командира 194-го зенитного артполка, а с 6 ноября вступил в должность «начальника штаба Бригадного района ПВО, водной трассы Ладожского озера и мыса Осиновец»).

На сей раз ему удалось посетить семью (вызовы в штаб фронта были столь кратковременны и напряжены, что навестить нас он не успевал). И это стало нашим спасением.

Решение было принято мгновенно: в тот же день отец вывез нас в Ваганово, не рискуя перевезти через Ладогу (мама уже почти не вставала, у меня к дистрофии добавилась корь, подхваченная в бомбоубежище). Отец оставил нас в штабе воинской части, расквартированной в Ваганово. Помню его слова, обращенные к штабным командирам: «Спасите мою семью, переезд через Ладогу жена и дочь не перенесут».

Мы выжили. Из своего скудного пайка штабные командиры ежедневно выделяли нам по 100-граммовому брикету черного сухаря и кипяток, в котором брикет размачивался. Человеку, видимо, не так-то много нужно, чтобы протянуть жизнь.

Месяц спустя, во время очередного вызова в штаб фронта, отец вывез нас в Кобону. 35 километров ледовой трассы мы преодолевали под почти непрерывной бомбежкой пять с половиной часов. Так началась наша длительная эвакуационная одиссея. Мы ехали в грузовике по льду каналов Мариинской системы в Сясьстрой, затем в Тихвин после очередного взятия города советскими войсками. Дальше наш путь лежал в Вологду (в вагоне поезда, восстанавливавшего железнодорожные пути), Ярославль, по Волге – в

Горький, затем в Куйбышев, Бузулук. Конечным пунктом оказался город Сорочинск Чкаловской области на реке Самарке, где мы прожили около двух лет.

В конце 1943 года маму вызвали в сорочинский военкомат для получения пропуска в Москву в связи с тяжелым состоянием отца, находившегося в военном госпитале в Лефортово. Отец в то время (с июня по сентябрь 1943 года) являлся начальником отдела ПВО XI армии Брянского фронта, с сентября по ноябрь – начальником отдела ПВО Брянского фронта. Он был контужен (взрывная волна отбросила его на бетонные плиты блиндажа), перевезен в Осташков, затем в Москву.

Для меня пропуска не было, вследствие чего командиры воинского вагона при каждой остановке поезда прятали меня за шинелями. Сделать это было не трудно при моем малом росте и тощем телосложении – обычный блокадный ребенок.

В Москве нас приютила семья генерал-майора Федора Гавриловича Малярова, бывшего «старого» офицера, перешедшего на сторону красных, незадолго до войны окончившего Академию Генерального штаба и посланного в Германию в 1938 году в составе военно-правительственной делегации (Ф.Г. Маляров погиб в окружении под Харьковом в 1941 году). В течение нескольких месяцев мы жили у вдовы генерала Ю. В. Маляровой в военном доме на Новинском бульваре.

Москва меня поразила, ошеломила. Жизнь в столице была так непохожа на привычные военные будни: действовали метро и транспорт, работали театры, у билетных касс выстраивались очереди, упорно ходили слухи о возможной коммерческой торговле. Мою детскую психику поразила продажа мороженого на улицах Москвы. Отлично помню, как матушка купила мне шестую часть молочного брикета за восемь

рублей – сумма немалая по тем временам.

Москва быстро оправлялась от ужасов 1941–1942 годов, Ленинград с его колоссальными человеческими потерями – медленно и мучительно.

Первое посещение отца в Лефортовском госпитале вселило в нас надежду на его выздоровление: встать ему было еще запрещено, но он уже сидел, опираясь на подушки. Это первое посещение госпиталя для меня обернулось неожиданностью: опытный военный врач (вспоминаю, у него был протез руки), взглянув на мою красную физиономию, буквально оттащил меня от постели папы. На следующий день я оказалась в женском отделении того же госпиталя с диагнозом малярия, уже более года мучившей меня. В Лефортово я провела более месяца и с ужасом до сих пор вспоминаю уколы акрихина и особенно тяжелые – хинина (не бомбежки и обстрелы, к которым успела привыкнуть, а лечение – удивительно детское восприятие!).

После госпиталя, в декабре 1943 года, отец был назначен начальником отдела ПВО Второго Прибалтийского фронта и покинул Москву. Мы остались в столице в ожидании пропуска в Ленинград, о чем хлопотали сослуживцы отца.

В Москве мы оттаяли. Страшные дни блокады, не оставлявшие память, стали казаться далекими. Мы даже посетили филиал Большого театра, где слушали «Царскую невесту» Римского-Корсакова с В. Барсовой (Марфа) и Максаковой (Любаша). Идти в театр мне – в полном смысле слова оборвышу – было не в чем. По настоянию Ю. В. Маляровой мама с ее помощью соорудила мне платье из старой подкладки. Хуже было с обувью: я носила подростковые ботинки (от умершего мальчика), купленные в Сорочинске. Они были слишком велики, и я «хлопала» в них. Сейчас я понимаю, что в том диком платье с бабушкиными украшениями и

огромными мужскими ботинками я была похожа на клоуна. Но мои «опекунши» искренне радовались, что хоть что-то смогли для меня сделать. Радовалась и я.

В опере было много военных, были и дамы «в мехах», что так не вязалось с нашими трудными серыми буднями. Я смотрела на публику широко открытыми глазами. Москва мне представлялась другой планетой.

В мае 1944 года мы наконец вступили на родную землю. Казалось, мы вернулись в блокаду, но без бомб и обстрелов. Все еще не отошедший от голода город (о чем свидетельствуют бесчисленные захоронения 1944 года на Пискаревском мемориальном кладбище) был мрачен и безлюден. Редкие прохожие спешили по делам, отягощенные заботами. Контраст с оживленной Москвой был разительным и для меня в то время мало понятным.

Мы добрались с трудом до нашего «военного» дома по улице академика Лебедева (бывшая Нижегородская), № 16 (квартиры занимал командный состав Артиллерийской и Военно-медицинской академий). Дом выглядел каким-то постаревшим и крайне невзрачным. Нас охватило смутное чувство и радости и тревоги.

Мама попыталась сохранившимся ключом отпереть дверь нашей коммунальной квартиры, но дверь не поддавалась. Мы позвонили, посылались шаги, дверь приоткрылась на цепочку и тут же захлопнулась перед нами. Повторные наши звонки и стук в соседние квартиры оказались безрезультатны, никто не вышел. Смеркалось, было очень холодно. Идти было некуда. Первую ночь мы провели на цементном полу пролета лестницы в ожидании кого-либо из жильцов. Никто так и не появился.

С рассветом мы покинули дом в отчаянном состоянии, не зная, что предпринять. Решили искать коменданта. С нашим скромным скарбом (у нас был небольшой чемодан и два самодельных рюкзака с самым необходимым для бомбоубежища) мы тащились по улицам города (в нашем доме по улице академика Лебедева бомбоубежища не было, в саду мы рыли «щели», но их разрушила взрывная волна). Голодные, холодные, уставшие и отчаявшиеся,

мы уже во второй половине дня нашли, наконец, и.о. коменданта на Литовской улице, то есть в нескольких останках от нашего дома.

Решительная женщина, сопровождавшая нас, заставила новых жильцов нашей квартиры открыть дверь, и мы после стольких мытарств оказались дома.

Первая радость сменилась горьким разочарованием. Большие комнаты (56 кв. м) оказались пусты. Сохранилось лишь бабушкино старое пианино с бронзовыми подсвечниками и два или три предмета вычурной, никому не нужной в то время старинной мебели. Ни стола, ни стульев не было. У двери стояли два узла, приготовленные к выносу, на полу лежал большой осколок снаряда, пробивший стену (этот осколок я хранила несколько лет, ведь он мог стоить нам жизни). Помню, что в одном из узлов оказалась тяжеленная старинная пишущая машинка, завернутая в столь же старинную бабушкину ретонду. Я устроилась на широкое подоконнике, мама – на единственном чемодане. Об одеялах мы могли только мечтать, но это было несравненно лучше, чем месяцами, не раздеваясь, ожидать в собственной холодной постели сигнала воздушной тревоги.

Мы вступили в новую и опять тяжелую полосу нашей жизни. Вскоре я заболела чесоткой – о распространенности в городе этой болезни мы уже слышали. Нам подсказали, что общегородской медицинской (чесоточный) пункт находится на улице Софьи Перовской, куда мама меня и отвела. Вспоминаю, людей в общегородском пункте было много. Казалось, это далеко не соответствовало населенности города. Лечение было простым: больных смазывали какой-то дурно пахнувшей мазью и затем отправляли в душевую. Эти почти ежедневные процедуры продолжались около месяца. Своего рода испытанием в то время был путь до улицы Софьи Перовской, ибо на Выборгской стороне почти весь транспорт шел в направлении Финляндского вокзала. Литейный мост чаще всего приходилось преодолевать пешком. А далее от Литейного проспекта транспорт двигался в направлении цирка и до Невского, здесь уже больших проблем не было.

Самым непредвиденным и сложным оказалась регистрация

продовольственных карточек. Сутра матушка ходила по районным инстанциям, но добиться быстрого решения вопроса не удавалось. Продавать или менять было нечего: скромное содержание чемодана «ушло» в эвакуации. Помощи ждать было неоткуда.

Тогда-то мама решила написать письмо главнокомандующему Ленинградским фронтом маршалу Леониду Александровичу Говорову. Как она смогла передать письмо маршалу или его окружению, осталось тайной, унесенной ею с собой. Ведь в то время (только что была снята блокада) подойти к Смольному на пушечный выстрел было невозможно. Неизвестно и содержание письма. По-видимому, на отклик она особенно не надеялась, но отклик был, и незамедлительный: видимо, старая дружба имеет крепкие корни.

С Л. А. Говоровым мама познакомилась в начале 1920-х годов, когда, согласно документам, служила «ездовой второго разряда» в полку Четвертой Перекопской дивизии, которым командовал будущий маршал. В ее обязанности входила доставка пакетов с корреспонденцией в пределах расположения полка. Перемещалась мама на тачанке, впереди сидел красноармеец, называвшийся «возницей», сзади – пулеметчик. По всей видимости, маме доверили курьерские обязанности как человеку грамотному.

Трудно теперь представить, что побудило маму и ее брата Николая пойти в Красную армию – убеждения или материальное неблагополучие. В то время мой дед (отчим мамы) и опора семейства Я. Т. Лиханский находился в румынском плену (по возвращении из плена дед был назначен первым капитаном первого ледокола «Сталин»). По приказу врангелевцев военный корабль, которым он командовал в годы Первой мировой войны – минный заградитель «Великая княгиня Ксения», был уведен за границу (см. Справочник «Корабли и вспомогательные суда Советского военно-морского флота (1917–1927 годы). Военное издательство Министерства обороны СССР. М., 1981. С. 192–193).

Более близко с Л. А. Говоровым мама познакомилась (согласно ее рассказу, записанному мной) на красноармейской свадьбе. Два или

три красноармейца полка заявили о своей женитбе, и весь полк принял решение отметить это событие. В огромном деревянном сарае были поставлены канцелярские столы и лавки. Молодых тепло, но очень кратко поздравил командир полка (мама называла Л. А. Говорова «товарищ молчальник», ибо он был крайне скуп на слова, что не соответствовало его фамилии). Это знакомство с будущим маршалом вскоре перешло в дружеские отношения, сохранившиеся надолго.

Через короткое время после передачи мамой в Смольный письма в нашу квартиру пришел молодой офицер, назвавшийся представителем военного управления. Его разговор с мамой происходил при мне и был краток. Он спросил, в чем мы особенно нуждаемся. Мама ответила – прежде всего в регистрации продовольственных карточек и добавила приблизительно так: «Вы видите, как мы живем. Нам негде даже вас усадить». Через 2–3 дня тот же офицер вновь появился в нашей квартире в сопровождении солдата. Он передал, что вопрос с карточками улажен, и оставил нам два небольших бумажных пакета с картошкой (вероятно, около трех кг) и капустой. Это была в то время все еще необходимая первая помощь. Кроме того, офицер передал

маме ордера на одежду, предупредив, что получить ее мы можем в спецмагазине на Невском, 11. Этот большой магазин до войны был, насколько память мне не изменяет, обувным и стал единственным в военное время, где выдавались носильные вещи по ордерам.

На следующий же день мы поехали на Невский, вооруженные ордерами. По ордерам мы получили два зимних пальто с воротниками из кролика, два фланелевых платья и две пары прионелевой (парусиновой) обуви (эти прионелевые туфли я носила вплоть до 1946 года). Вся одежда была рассчитана на двух взрослых женщин, поэтому мама занялась «подгонкой» ее «под меня».

Мне неизвестны дальнейшие контакты мамы с Л. А. Говоровым. Да были ли они в суровых условиях войны? Я написала об этом никому не известном эпизоде биографии замечательного человека, чтобы отдать дань памяти ему и его благородному поступку, в сложнейших военных условиях не забывшего старую юношескую дружбу.

21 февраля 1987 года газета «Ленинградская правда» опубликовала ряд материалов к 90-летию со дня рождения полковника. В них находим следующие строки: «Проходит время и уходит время.

Быль становится фактами истории. Одно поколение сменяет другое. Но существует память, которая отбирает и бережно хранит то, что не должно быть забыто. Мы многое еще будем вспоминать о войне. И о каких бы событиях ни зашла речь, всегда, пусть незримо, за ними будет вставать фигура Леонида Александровича Говорова – Командующего Ленинградским фронтом», человека «высочайшей военной культуры».

Вскоре через Военкомат мама устроилась на работу, я стала посещать школу. Жизнь постепенно налаживалась.

Город крайне медленно залечивал военные раны. Вспоминаю, как уже в 1947 и даже 1948 году (тогда я была секретарем комсомольской организации 105-й средней женской школы Выборгского района. О трудовых буднях большой школы – 147 комсомольцев – см. книгу директора школы В. Ф. Любовой «Одной семьей», вышедшую в начале 1950-х годов) каждое воскресенье нам давали задания, связанные с разбором разрушенных домов. Мы освобождали от руин площади на Лесном проспекте, на улице Лебедева, на Литейном, на Васильевском острове. Горожане (и учащиеся в их числе) стремились восстановить былую красоту Северной столицы.